

Памяти Александра Моисеевича Пятигорского

Трудная задача: написать мемориальную заметку о покойном Александре Моисеевиче Пятигорском. Я бы не хотел похоронного тона, пусть это будет попыткой интеллектуального портрета, какого бы я себе не позволил при его жизни, настолько вся его жизнь была в движении и развитии, в которых разные этапы были так непохожи между собой.

Мы были друзьями и когда-то коллегами по Институту Востоковедения в Москве, между 1962 и 1974 годами. А потом он оказался в Лондоне, а я во Франции.

Нас занимала древнеиндийская культура и языки Древней Индии. Его — больше философия и мифология.

Быть может, самые точные слова о нём я слышал от поэта Иосифа Бродского: «Пятигорский — человек беседы». Это верно: он был интереснейшим собеседником в разговорах, из которых можно было многому научиться.

Несколько слов о философе и буддологе. Сложилось так (и в этом отношении жизнь Пятигорского — весьма характерная часть русской интеллектуальной жизни), что его бытие протекало одновременно в двух планах. Один план — его жизнь в научной работе и в общении с близкими ему исследователями индийской культуры и семиотики. Другой план — его существование как философа, его становление и осуществление себя как философа, для которого принципом и правилом было не разделять свой *Dasein* «бытие (мыслящего) здесь и сейчас» и философию (кажется, он принимал концепцию Хайдеггера — *Dasein* — это одновременно сущность и самосознание, исходя, прибавлял он, из понимания им первого периода хайдеггеровской философии).

Сказать иначе: если изучать буддийскую философию, то вы можете это делать, только став буддистом. Позиция, которая многим покажется спорной (если экстраполировать: изучение тантризма влечёт за собой становление изучающего тантристом? Кем должен стать изучающий математику? В случае Пятигорского, я предполагаю, буддизм ему был изначально близок (не иудаизм, не православие), и *одновременно* был живой интерес к Индии (не к Востоку, как некому нерасчленённому целому, какого, видимо, не существует). Он был буддистом, но целомудрие и исконная доброжелательность (не навязывать никому своих склонностей, хотя бы их выявлением) приводила его к тому, что он скрывал это не только в свою бытность в советской Москве, но и в либеральной Англии. Впрочем, это не мешало ему перед трапезой расплескивать капли водки в дар всем *lokapāla*'м (как называются на санскрите хранители сторон света) и читать тибетские мантры, момент всегда сопровождавшийся мягким юмором, который так ценился его окружением и, особенно, его юными сыновьями (из-за тибетских слов, выглядящих в транскрипции как *ta-shi de-leg* «Блага/удачи [всем]!» и сближавшихся ими с созвучными русскими словами «тащи телегу!»).

Я думаю, он был прежде всего философом. И не делил свою жизнь на жизнь в философии и вне философии, не разделял свой *Dasein* и философию, что находит ясное выражение в словах, сказанных им в одном из его последних интервью: «Какой я учёный! Я просто пытаюсь найти форму существования».

Как ускользает от определений субстанция, сущность его философии! Есть его отдельные высказывания, из них можно составить не доктрину, но угадать способ, найденный им для проживания (*Erlebnis*) собственной философии.

Несколько таких высказываний будут всегда в памяти слышавших; и я восстанавливаю их частью по памяти и, поскольку моя задача — напомнить об интеллектуальном облике Пятигорского, я позволю себе несколько личных воспоминаний и попутных мыслей.

«Философия [должна быть] слита с личностью и характером; свобода философствования — тяжелейшая работа, где больше поражений, чем побед. А свобода — это открытое состояние человеческой души». Точкой приложения его философствования была его собственная философия в буддизме; именно не буддийская философия, а его собственная философия. И тогда понятно, почему он был убеждён, что всякое сознание не может не быть островным, оно по определению избавлено от повторения чужого, неповторяемо и строго индивидуально: «всякое клише сковывает работу индивидуального сознания» и «надо говорить свои слова, и нет ничего страшнее экономии мышления».

Наиболее проблематичными представляются его попытки определить, что такое сознание (понятие для него крайне важное, если не ключевое). В «Лекциях по буддийской философии» (Пятигорский 2004), опираясь на идею взаимообусловленности в буддизме, он комментирует понимание сознания в индийском философском течении *viññānavāda*: «мысль не имеет содержания, её объекты (*ālambana*) не есть содержание, ибо они возникают вместе с ней в составе «случая»», и — красноречивое пояснение — «определение всё равно моё [...], его нет в виджнянавадинских текстах [...]; я говорю: мысль возникает только в присутствии других мыслей [...], т.е. относительно этой данной возникающей мысли, [...] другие мысли будут называться «сознание»». Не без парадокса: он был одно время близок к Московско-Тартуской школе семиотики, где изначально доминировали методы лингвистики (наряду с другими трактовками семиотического поля), но как же далека его позиция от той, которая требует полной независимости/отстранённости наблюдателя, исследователя от объекта наблюдения! И, решусь сказать, в своих рассуждениях он по существу культивировал парадоксы. Был ли он невольным верен Гегелю, утверждавшему, что интересное только там, где есть противоречие?

Он ценил полемику, и, если было недоумение слушателей (а не читателей), он терпеливо выслушивал, но и отвечал, в полемическом пылу: философ должен быть в предмете, о котором

он мыслит, а понимание сказанного (им, кем угодно) это дело слушающего (островной характер всякой философии!). И ускользающем предмете философии: «философия — чужое место, освоенное место — не место для философии».

Стоит отметить, из области непредугадываемых переключек, его замечание о времени («Время — это то, что мы делаем, время — это наши действия») и наблюдение Бергсона (Henri Bergson), говорившего, что наши способы измерять время — всего лишь способ думать о нём (кажется, для Пятигорского думать и делать было тождественными занятиями). Эта разительно пронизательная его мысль особенно остро воспринимается сейчас, после его ухода, если вспомнить, что, говорил он, «каждый шаг [в жизни нужно считать] последним [в отпущенном времени]», что «все причинно-следственные связи [относятся к прошлому], это — хвост [, который следует отбросить]». И сравнивал такую стратегию поведения с йогой, какую следует понимать как «превращение, преобразование» (это не перевод санскритского слова *yoga*, не имеющего единственного эквивалента в других языках!).

Своими соседями (и только частично соратниками) по философствованию он считал «последнего русского философа» (его собственные слова) В. В. Бибихина, а ближе всего к себе он полагал М. К. Мамардашвили, одно время своего соавтора. И повторял слова этого грузинского философа, столь близкие ему самому: «Философия неотделима от личности философствующего» и «В мышлении не может быть друзей, не может быть соратников. Мышление — самое одинокое дело на свете». И есть соблазн вспомнить ещё эти слова самого Пятигорского: «Философ должен отрефлексировать не только себя как философствующего, но он должен отрефлексировать и варианты восприятия себя».

Если говорить, хотя бы кратко, о трудах по буддийской философии Пятигорского: «debatable», как писал Paul Williams в рецензии на его «The Buddhist Philosophy of Thought», но и: «This is a rich work». Думается, что трудности изложения и чтения этой, крайне важной для него и для нас книги, объясняются не только

сложностью предмета, но и сказанным им в завершение одного из последних интервью: «[...] дышать холодным чистым воздухом своей свободы». Он и при жизни был — что недостижимо для многих — свободным человеком, быть может, как свободен он и сейчас, после ухода от нас.

Не сказал ли он в какой-то своей лекции, что «Для того чтобы сдвинуться от [этого] кретинского антропофильства (или антропофилии), первым шагом будет глубинное, не только онтологическое, но важнее — этическое переосмысление антропа»? Нет, он не был мизантропом в жизни, но был довольно непримирим в философии и в философии жизни. Два плана существования, которые, быть может, только его уход в небытие пусть не примирит, но... расположит их иначе один по отношению к другому. В конце концов, не-быть (ему) — это тоже миф из того «мифологического сознания», которому он посвятил так много времени и которому (мифу) не хочется верить.

Борис Л. Огибенин¹

Краткая библиография

- Denwood, Philip; Piatigorsky, Alexander (ed.) 1983. *Buddhist Studies: Ancient and Modern*. London, Malmö: Curzon Press.
- Piatigorsky, Alexander 1984. *The Buddhist philosophy of thought*. London, Dublin: Curzon Press; Totowa: Barnes & Nobles Books.
- 1993. *Mythological Deliberations: Lectures on the Phenomenology of Myth*. London: School of Oriental and African Studies.
- 1997a. *Who's Afraid of Freemasons? The Phenomenon of Freemasonry*. London: The Harvill Press.
- 1997b. Introduction. In: *The Bhagavad Gītā*. (Element Classic of World Spirituality Editions.) Element Books Ltd.
- Piatigorsky, Alexander M.; Zilberman, David B. 1976. The emergence of semiotics in India. *Semiotica* 17(3): 255–265.

¹ Address: Boris Ogibenin, Prof. emeritus, Université de Strasbourg, 14 rue Descartes, BP 80010, F-67084 Strasbourg, France. E-mail: oguibenine@gmail.com.

- Пятигорский, Александр М.; Рудин, Семен Г. 1960. *Тамильско-русский словарь*. Москва: Государственные издательство иностранных и национальных словарей.
- Пятигорский, Александр М. 1962. *Материалы по истории индийской философии*. Москва: Изд-во восточной лит-ры.
- 1989. *Философия одного переулка*. Лондон (переиздано: Москва: Прогресс, 1992.)
 - 1996. *Избранные труды*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
 - 1999. *Вспомнишь странного человека*. Москва: Новое литературное обозрение.
 - 2001a. *Рассказы и сны*. Москва: Новое литературное обозрение.
 - 2001b. *Древний человек в городе*. Москва: Новое литературное обозрение.
 - 2002. *Мышление и наблюдение*. Рига: Liepnieks & Ritups.
 - 2004a. Лекции по буддийской философии. *Непрекращаемый разговор*. СПб.: «Азбука-классика», 2004. — С. 38–102.
 - 2004. *Непрекращаемый разговор*. СПб.: Азбука-классика.
 - 2005. *Избранные труды*. Москва: Языки славянской культуры
- Пятигорский, Александр М.; Мамардашвили, Мераб К. 1971. Три беседы о метатеории сознания. *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)* 5: 345–376.
- 1982. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Иерусалим: Иерусалимский магазин русской книги «Малер» (переиздано: Москва: Школа Языки русской культуры, 1997).